

Александр
Саркисов

СИСТЕМА

О флоте и не только...

О флоте и не только...

Александр Саркисов
Система

«У Никитских ворот»

2014, 2015

УДК 82-3
ББК 84(2Рос=Рус)6.44

Саркисов А. А.

Система / А. А. Саркисов — «У Никитских ворот», 2014,
2015 — (О флоте и не только...)

ISBN 978-5-00095-002-9

Сборник Система составлен таким образом, что хронологически охватывает жизнь целого поколения офицеров ВМФ от первых курсантских шагов до пенсионных горестей и радостей. Впрочем, флотская действительность – это всего лишь фон, на котором показаны люди, живущие и исполняющие свой воинский долг в непростых и даже экстремальных условиях военно-морской службы. 2-е издание, дополненное

УДК 82-3
ББК 84(2Рос=Рус)6.44

ISBN 978-5-00095-002-9

© Саркисов А. А., 2014, 2015
© У Никитских ворот, 2014, 2015

Содержание

О флоте и не только...	6
Часть первая. Лишенные выбора	8
Лишенные выбора	8
КМБ	11
<i>Musca vomitoria</i>	14
Коллеги	23
Цицерон	27
Тройка на двоих	31
Опыт поколений	37
Посев	41
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Александр Саркисов

Система

© А. А. Саркисов, 2015

О флоте и не только...

Сборник рассказов Александра Саркисова «Система» – первая книга молодого, но уже состоявшегося автора. За плечами А. Саркисова годы службы в Военно-морском флоте СССР, командование кораблем, дальние экспедиционные походы. А потому ему есть о чем рассказать своему читателю.

Вне всяких сомнений, книга у А. Саркисова получилась, и он заявил о себе как о зрелом и состоявшемся прозаике. Стоит отдать должное автору в том, что он проявил себя как истинный мастер художественных образов. Его рассказы предельно лаконичны, отличаются тщательностью проработки сюжета, мастерством диалогов. При этом за внешней веселостью в них всегда видна глубина человеческих чувств. Герои «Системы» легко узнаваемы для флотского читателя, ибо все мы в реальности много раз встречали их прообразы на кораблях и в частях ВМФ.

В произведениях А. Саркисова никогда не услышишь ни ноты фальши, каждая фраза, реплика, каждая деталь выверены до мелочей, демонстрируя высокий профессионализм автора как настоящего корабельного офицера. Отличается Александр Ашотович от других наших маринистов и умением таким образом выстраивать сюжеты своих произведений, что в них всегда органично переплетен драматизм и юмор, лиризм и самоирония автора. А потому читать рассказы Александра Саркисова – истинное наслаждение, как для настоящих ценителей современной русской прозы, так и для людей, не понаслышке знающих реалии отечественного флота. Сборник «Система» составлен таким образом, что хронологически охватывает жизнь целого поколения офицеров ВМФ от первых курсантских шагов до пенсионных горестей и радостей.

Впрочем, флотская действительность – это всего лишь фон, на котором показаны люди, живущие и исполняющие свой воинский долг в непростых и даже экстремальных условиях военно-морской службы. Здесь и столкновения характеров, извечная борьба добра со злом, необходимость нравственного выбора и, конечно же, любовь.

Герои книги А. Саркисова не похожи друг на друга, но нет сомнений в том, что при всей их непохожести, а порой и чужаковатости, все они являются истинными патриотами флота. Это предприимчивый и обаятельный курсант Шурик Расписов из рассказа «Muska Vomitoria». Это герой рассказа «Месть адмирала» капитан-лейтенант Морев – настоящий моряк и настоящий командир. Это и Федор Ушанкин, нашедший в себе силы, уже выйдя на пенсию, одним махом переменить свою давно устоявшуюся, но серую жизнь. Таковы и многие другие герои книги.

Особняком среди рассказов А. Саркисова стоит ода «Система», послужившая названием всего сборника. Уверен, что эта небольшая лирическая и в то же время патетическая ода (автор именно так обозначил жанр этого произведения) не оставит равнодушными никого из тех, кто когда-то закончил военно-морское или вообще военное учебное заведение. Скажу больше, столь возвышенно и с такой любовью о родном военно-морском училище до А. Саркисова еще никто не писал.

Впрочем, думаю, что подробно рассказывать о «Системе» Александра Саркисова – дело неблагодарное и отчасти бессмысленное. «Система» перед вами, а потому, только взявши в руки эту книгу и погружившись в мир ее героев, вы сможете по достоинству оценить мастерство и талант автора.

Секретарь Союза писателей РФ, капитан I ранга В. Шигин

*Моему отцу, отдавшему 48 лет жизни военно-морскому флоту,
посвящаю...*

Все события и герои, описываемые в книге, вымышлены автором. Любые совпадения с реально существующими людьми абсолютно случайны.

Часть первая. Лишенные выбора

Лишенные выбора

В первых числах июля 1976 года на автобус номер 420, ходивший по маршруту Зеленогорск – Зеленая Роща, попасть было практически невозможно. Со всех концов страны съезжались абитуриенты в летний лагерь Высшего военно-морского училища имени Фрунзе. С рюкзаками, чемоданами, дорожными сумками, как муравьи, ручейками стекались они к проходной верхнего лагеря. Там их встречали и направляли на регистрацию и сдачу документов.

Романтиков, видевших море только по телевизору и решивших связать свою жизнь с военно-морским флотом, было немного. В основном поступали дети гарнизонов, военных городков, военно-морских баз, из семей, где родители служили или работали на флоте. Ничего другого они не видели и иной жизни себе не представляли. Эти ребята не знали, что такое фрак или смокинг, зато прекрасно знали, что такое тужурка, китель и роба. Им не нужно было объяснять, что «компас» и «рапорт» произносятся с ударением на последний слог. У них не было выбора, они были обречены служить на флоте.

Зеленая Роща – место необыкновенное. Лагерь располагался в лесу с вековыми соснами и щедрыми ягодниками. С одной стороны были чистейшие озера, с другой – Финский залив. Офицеры и мичманы, занимавшиеся абитуриентами, жили здесь с семьями, относясь к происходящему как к временному недоразумению, совмещенному с внеочередным отпуском.

Открывавшийся вид нижнего лагеря напоминал картинку из учебника истории об осаде Тира Александром Македонским – палатки, палатки, палатки...

С утра началось. Бесконечные построения, хождение строем туда-сюда, консультации, приборки. Делалось все, чтобы не дать нормально подготовиться. Сдавать нужно было пять экзаменов, а конкурс был шесть человек на место. Более-менее уверенно себя чувствовали отличники и служивые, у них были льготы.

Началась сдача экзаменов. Математика опустошила палатки наполовину, физика шлифанула оставшихся, сочинение отсеяло представителей малых народностей, физкультура подвела черту. Чем меньше их оставалось, тем доверительней становились отношения, тем теснее они общались.

Вырисовался проходной балл на штурманский факультет – 22,5.

Последнюю точку в селекции поставила мандатная комиссия, распределив выживших по факультетам. 5 августа 1976 года все поступившие были зачислены в ряды Вооруженных Сил СССР.

Счастливые новоиспеченные курсанты получали форму и переезжали в верхний лагерь, в «бочки». Подтянулись зачисленные в училище нахимовцы. Из числа преподавателей и лаборантов были назначены временные командиры рот и взводов. Начинался курс молодого бойца.

Имеющий глубокие сакральные корни, курс молодого бойца был обязателен, как обряд инициации юношей у нилотов Восточной Африки.

Жесткий распорядок дня, ни секунды свободного времени. Подъем, зарядка, приборка, завтрак, строевые, обед, изучение уставов, приборка, ужин, разбор полетов, отбой. Сна не было, был провал сознания. Бритая наголо голова, урчащий от голода живот и растертые в кровь ноги – вот основные приобретения этого периода. За неделю до окончания священнодействия начались тренировки по принятию Присяги. Самые бестолковые оказались самыми преданными, они зачитывали перед строем текст Присяги по многу раз.

В день отъезда с вещмешками за спиной грузились на дизель, потом электричка и, наконец, Питер. Залитый огнями, шумный вечерний город приводил в состояние растерянности

и оторопи. Многие впервые увидели метро. В училище входили как в храм, состояние было приподнято-восторженное, на курсантов пятого курса смотрели как на полубогов. Это было не просто перемещение из одного места в другое, это был коллективный переход на следующую ступень по лестнице Ламарка. Это был акт эволюции.

Ужин в училище, впервые за последнее время потянуло в сон не от усталости, а от сытости.

Наконец наступил главный день – день торжественного принятия Присяги. Утром 6 сентября 1976 года на Марсовом поле в форме три, в белоснежных бескозырках, с автоматами на груди, построенные поротно, стояли курсанты первого курса. Гости с цветами, офицеры в парадной форме, начальник училища за трибуной.

И разносится над площадью многоголосьем: «Я, гражданин Союза Советских Социалистических Республик, вступая в ряды Вооруженных Сил, принимаю Присягу и торжественно клянусь...».

И только старый, мудрый преподаватель, капитан I ранга, смотрит печальными, все понимающими глазами. Не вы у меня первые, не вы последние. Сколько же из вас могло получиться блестящих ученых, художников, музыкантов... а вы придете на флот и зареете свои таланты за изучением приказов, инструкций, наставлений, руководств...

КМБ

Сокращения на флоте любят, и это оправдано. Если, к примеру, вслух расшифровывать КВБД, ВМКГ, ТУЖК, РПКСН, ТАКР, НГГМО, РБИТС... это ж хрен сломать можно. А так коротко и ясно. Для своих ясно, а врагу ни в жизнь не расшифровать. Вот, к примеру, подслушает враг – «ГКП, ПЭЖ, включен ГОН, разрешите запустить КЛБ набить БВД», и что ему, бедному, со всем этим делать?

В соответствии с традицией и курс молодого бойца называли сокращенно – КМБ. Когда экзамены позади, ты зачислен и расслабился, вот тогда и настает КМБ. Не начинается, а именно настает!

На КМБ организм реагировал как на стихийное бедствие, а беда, как известно, сближает, спланивает. Успевшие сдружиться Саня Мухин, Витюня Ермашов, Рашид Тепляков и Шурик Расписов держались вместе. Командиром роты к ним назначили милого, интеллигентного на вид капитана II ранга по кличке Коля Кровавый. Командиром взвода был мичман Боря. Это был мужичонка маленького роста с опереточно торчащим животиком и глазами камбалы. Когда он, перекошенный сколиозом, командовал перед строем, трудно было не расхохотаться. Но на этом все веселые моменты в период КМБ и заканчивались.

07.00. Рота, подъем! Выходи строиться на физзарядку! Форма одежды – трусы, ботинки!

Ежась от холода, досыпая на ходу, курсанты строились на плацу. Командовал процедурой подполковник Цильцей. Одетый в теплые спортивные штаны и свитер, он разъезжал на велосипеде вдоль строя и с легким прибалтийским акцентом тренировал свое чувство юмора:

– Что скукожились? Температура воздуха по Цильцею тридцать градусов.

Ну а дальше два километра к Финскому заливу, стирая прогарами ноги в кровь. На берегу очередная команда:

– Форма одежды ноль! Всем в воду и по десять приседаний!

Разгоряченный после бега, ты падал в холодную воду Финского залива. Цильцей считал приседания не спеша, смакуя, пока не видел, что мошонки начинают подпирать кадыки. Так закалялась сталь.

Перепуганный Саня Мухин с криком вылетел из воды:

– Мужики, у меня все пропало!

– А ты попробуй потри, только не увлекайся!

Мухин старался, как первобытный человек, добывающий огонь. Наконец разглядев появляющийся первичный половой признак, Саня с облегчением натянул трусы. Флотские трусы – это отдельная песня, когда холодно, они согревают колени.

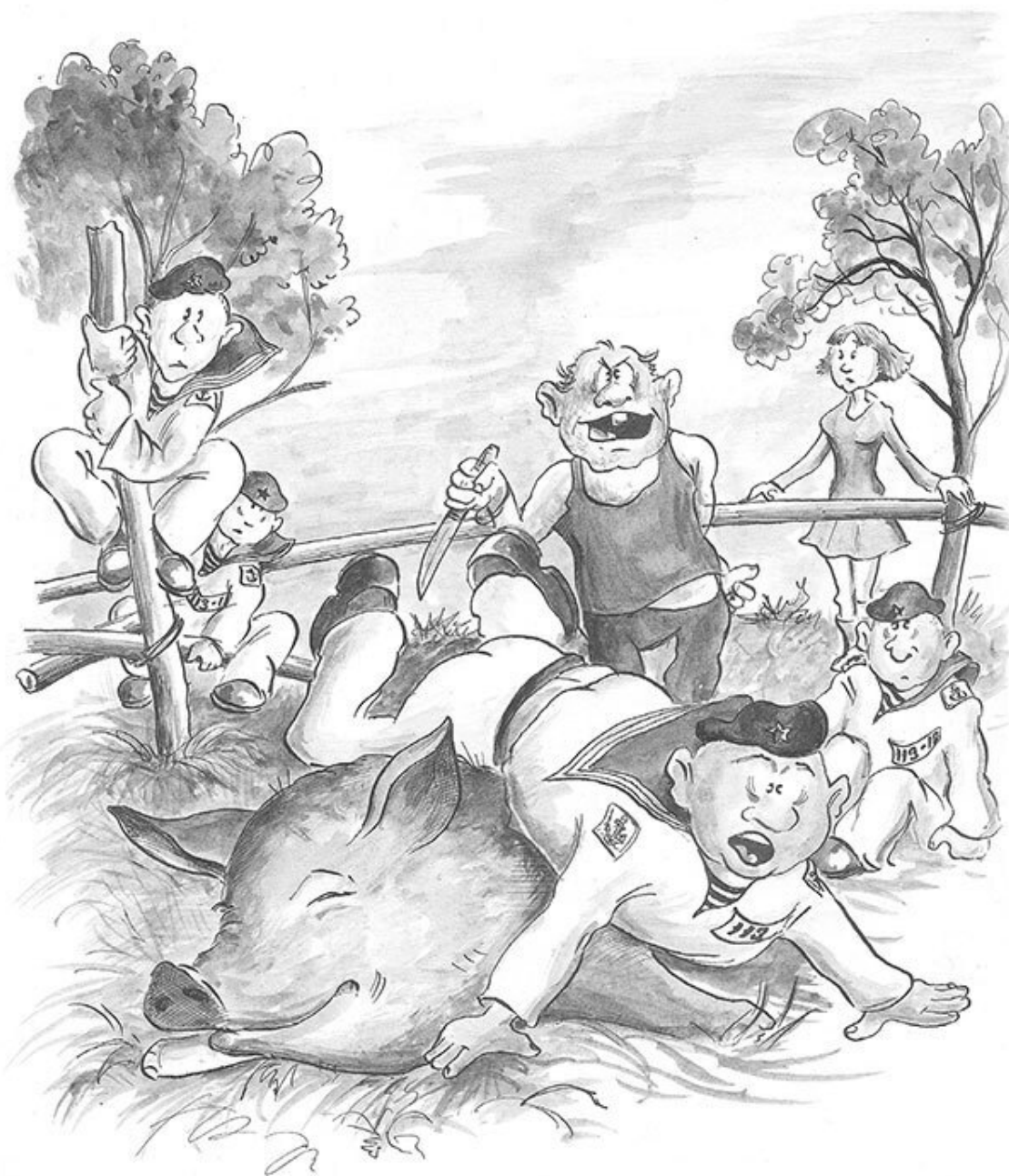
Цильцей торопил, нужно было пробежать еще два километра до лагеря. Вообще Цильцей – это было не случайно. Уже тогда прозорливые начальники прививали будущим офицерам настороженное отношение к Прибалтике.

Однако все это было не так страшно, как постоянное чувство голода. Не спасал даже сворованный в столовой хлеб.

На обратном пути четверка дружно рванула в лес. Рассыпавшись по поляне, они спешно набивали рты черникой. Давясь подножным кормом, проламывая в чаще проход, Витюня, стокилограммовый розовощекий здоровяк, первым бросился догонять строй.

Ничто не ново под луной. Не они первые, не они последние. На построении перед завтраком с застывшей акульей улыбкой и немигающим взглядом Коля Кровавый скомандовал:

– Показать языки!

Это был залет. Фиолетовые языки выдали их с головой.

– Ермашов, Расписов, Тепляков и Мухин – наряд вне очереди на свинарник.

На свинарнике было две достопримечательности – хряк Мишка и дочь начальника Верка. Начальником на свинарнике был Казимирыч, мужик неопределенного возраста с одним ржавым зубом посреди рта. Казимирыч, как заправский фермер, вырулил из-за свинарника на тракторе:

– Харе курить! До обеда по плану прополка грядок, а после обеда будем забивать свинью.

Добросовестно отработав на грядках и наскоро перекусив, пошли отлавливать хрюшу. Казимирыч коротко распорядился:

– Колоть будем Изольду.

Это сильно усложняло процесс. Если свинья безымянная, то и хрен бы с ней, а когда знаешь имя, вроде уже как и знаком, вроде как что-то связывает. Изольда была девушка видная, грязно-розового цвета с черным ухом.

– Ну что встали, загоняй!

Четверка, первый раз в жизни увидев живую свинью так близко, несмело начала окружение. Изольда, поняв, что ничего хорошего ее не ждет, ринулась в атаку. Быстро разметав мелкокалиберных загонщиков, Изольда пошла на Ермашова. Витюня стоял бледный и, словно парализованный, не мог пошевелиться. Разогнавшись, свинья ударила его в ноги, и он как подкошенный рухнул на нее. Их вопли слились воедино. Подоспевший Казимирыч ловким ударом закончил дело.

Вечером он принес полную сковороду с жареной свининой и молодой картошкой. Рядом дефилировала Верка в новых резиновых сапогах и короткой юбке. Она нарезала уже третий круг, и ее намерения были понятны даже солисту хора мальчиков-кастратов. Уныло посмотрев на Верку, друзья накинудись на жратву, тем самым в пух разбив теорию Фрейда о главенстве сексуального инстинкта.

Наступила первая суббота КМБ. К Рашиду приехали родители и привезли полную сумку снеди. Естественно, сумку распанахали на четверых. И пирожки, и бекон, и молоко, и котлетки... К вечеру их скрутило. Гальюн был деревянный, на три очка, зайти вовнутрь мог только самоубийца. Сочетание хлорки и дерьма давало неожиданный эффект. Какой, к черту, иприт, какой зарин? Хлорка и дерьмо, никаких формул. Производить можно в любой воинской части, а поражающих факторов больше. И название могло бы быть красивое – хлордерьмин. Привычно углубились в лес до первой незагаженной поляны, расселись кругом. Сверху вековые сосны, снизу ковер из ягодников, рядом тужатся друзья, чем не жизнь? Был только один недостаток – комары. Зуд нейтрализовали, елозя задом по панцирной кровати.

В воскресенье всех привели в клуб на просмотр кинофильма. Название запомнилось – «Человек-амфибия», а когда в титрах появился директор картины, весь зал уже спал.

Ежедневную муштру разбавляли занятия по морской практике, пока под хоровое пение «Варяга» не утопили ЯЛ-6. Ближе к концу начались тренировки по принятию присяги. На гражданке народ совсем без фантазии, ведь могли же разнообразить жизнь тренировками выхода замуж или, к примеру, вступления в партию.

Это был цирк. Перед строем стоял мичман Боря:

– Приветствовать меня как вице-адмирала! Здравствуйте, товарищи курсанты!

– Здравия желаем, товарищ вице-адмирал!

Ушибленный величием мичман сиял от удовольствия, ну полное зазеркалье.

В последний день КМБ начальник нового набора осматривал построенных на плацу курсантов. Он был доволен: цель достигнута. Перед ним навтыжку стояли юноши с идеальным соответствием роста весу, физически закаленные и постоянно готовые к приему пищи.

Musca vomitoria

На минном дворе офицер строевого отдела принимал курсантов-нарушителей для сопровождения на гарнизонную гауптвахту.

Небольшой дворик-колодец с рогатой миной, выкрашенной в зловеще-черный цвет, посередине и местом для курения в углу. Такой вот военно-морской фэншуй.

Два третьекурсника-минера, гидрограф с пятого курса и первокурсник со штурманского факультета кучковались у курилки. Сдвинув фуражку на затылок, сопровождающий въедливо проверял документы, и у них образовалось время на перекур. Пятак с барского плеча угостил всех «Беломором». Сладко затягиваясь и шурясь на ярком весеннем солнце, он с брезгливой снисходительностью обратился к первокурснику.

– Слышь, салабон, ну ладно – я начальника патруля за ухо укусил, эти два румына нажрались, как свиньи, и обрыгали рубку дежурного, а тебя, убогого, за что?

Шурик задумался: тут в двух словах не объяснишь.

Подошел сопровождающий.

– Становись!

Надев вещмешки, курсанты построились.

– Равняйся! Смирно! Налево шагом марш.

На гаражном дворе их уже ждал пазик мерзкого грязно-желтого цвета.

* * *

Закончился первый училищный отпуск. Доложив дежурному о прибытии, курсанты собирались группками, обменивались впечатлениями и дружно уплетали вкусности, привезенные из дома.

За трепом время пролетело незаметно. Пришло время отбоя.

Шурик Расписов залез к себе на верхний ярус. На соседней койке уже сопел его кореш Витюня Ермашов. Несмотря на зимний холод, спали с открытыми окнами, и не дай бог кто-нибудь наденет тельник. За этим строго следили отцы-командиры.

Уснул Шурик быстро. Снился ему Новый год в кругу семьи, загулы с друзьями и другие приятные моменты.

– Рота, подъем!

Все хорошее когда-нибудь заканчивается.

Встать у Шурика не получилось. Двухметровый здоровяк Витюня, ворочаясь во сне, придавил его ногой.

Со второй попытки вес был взят, и Шурик соскочил на палубу. Нужно заметить, что в училище пользовались корабельной терминологией и было непростительной ошибкой назвать голяк веником, галюн – туалетом, палубу – полом, трап – лестницей, шхеру – кладовкой...

– Выходи строиться на зарядку! Форма одежды – брюки, тельник.

Рота построена. Четыре взвода, в каждом по четыре отделения. Взвода выстроены по ранжиру, впереди высокие, дальше на убыль. Каждый четко знал свое место.

Вышли во двор, медленно со скрипом открылись гаражные ворота.

«У природы нет плохой погоды» – это не про Питер в январе. Мороз, резкие порывы ледяного ветра и липкий снег.

– Рота, бегом!

Какой-нибудь непонятливый гражданский наверняка бы уже рванул, но люди посвященные знают, что по этой команде руки сгибаются в локте, а корпус наклоняется вперед.

– Марш!

Вот теперь можно. Медленно, как паровоз, набирающий скорость, рота вытягивалась на 12 линию Васильевского острова. Холод пробирал до костей, холодный воздух рвал легкие. Бегали кругами по 11 и 12 линиям. После третьего круга привычно закололо в правом боку, холод стал ощущаться меньше, правда, и снег на голове перестал таять. Размышлять над этим парадоксом не было сил. В последней шеренге четвертого взвода, выбиваясь из сил, шаркая прогарами по заснеженному асфальту, изображали бег три неокрепших организма – Шурик Расписов, Рашид Тепляков и Саня Мухин.

– На шкентеле, подтянись!

Троица прибавила, отставать нельзя. Сила воинского коллектива в сплоченности.

Наконец наступило состояние, когда ты перестаешь считать круги, тело не ощущается, твой мозг свободен. Йоги определяют это состояние как нирвану и добиваются (недоумки) годами изнуряющих тренировок.

У Шурика в голове пульсировала только одна мысль: Господи, за что?

Это было тяжелым испытанием, особенно для парня, всю жизнь прожившего на берегу Черного моря.

Господи, за что? Ну ведь есть же люди, которые на зарядку не бегают, отсиживаются на каких-нибудь хитрых объектах приборки или имеют личную шхеру, как, например, Женя Макуркин, но об этом можно только мечтать...

На вечернем построении, перед просмотром программы «Время» командир роты капитан III ранга Борис Петрович Козюля (с такими инициалами во флотском коллективе прозвище БПК неизбежно, как восход солнца) объявил, что нашей 11 роте передали новый объект приборки – хоздвор.

Объект сложный, но освобождает от зарядки.

– Нужен приборщик. Доброволец есть?

Мозг Шурика еще осмысливал услышанное, а ноги уже вынесли его перед строем.

Здоровые инстинкты в воинском коллективе обостряются до предела.

– Ну вот, Расписов, завтра и начнете. Старшина роты, введите его в курс дела.

С таким нетерпением и радостью он никогда еще не ждал подъема. Тепло одевшись, Шурик пошел получать приборочный инвентарь.

Хоздвор представлял из себя небольшую, закрытую со всех сторон площадку, расположенную недалеко от водолазной станции. Именно сюда свозили мусор со всего училища. По периметру стояли переполненные мусором контейнеры, снег давно не убирался.

В распоряжение приборщика старший баталер выдал:

– вертолет (приспособление для уборки снега);

– лопату деревянную;

– лопату железную совковую;

– две метлы на длинных черенках;

– обрез металлический для сбора мусора.

Солидный инструментарий. Проверив, не вписал ли баталер чего лишнего, Шурик расписался в журнале.

Перетащив все это добро на хоздвор, он не спеша разминал беломорину. Мимо пробежали сонные замерзшие курсанты. Шурик поглубже натянул ушанку, глубоко затынулся и вдруг осознал: вот оно, счастье!

Но на флоте счастьем принято делиться.

Сложив инвентарь в приборочный кранец, он решительно направился к командиру роты.

– Товарищ командир, объект в ужасном состоянии. Одному мне его в порядок не привести, а не дай бог кто из начальства заглянет. Предлагаю выделить в помощь курсантов Мухина и Теплякова.

БПК задумался. Проверить действительно могли в любой момент, объясняя потом, что объект тебе только вчера передали. Но и хитрая курсантская рожа доверия не внушала.

И он принял соломоново решение.

– Добро, неделю они работают с вами, а потом вы самостоятельно будете поддерживать порядок на хоздворе.

Хитрость удалась наполовину.

К хоздвору Шурик относился как к спасителю. Он его одухотворял.

Постепенно на объекте установился идеальный порядок. Все, что там делалось, – делалось с любовью.

Мусор сортировался и вовремя вывозился. Вольнонаемные шофера, вывозившие мусор, Шурика откровенно побаивались. Даже камбузные работники, которым сам черт не брат, старались не лить помой мимо баков.

Приближались майские праздники, по этому поводу командование решило устроить субботник.

Стояла прекрасная солнечная погода, и настроение было соответствующим. Побелкой Шурик разжился еще с вечера, правда, прижимистый Макуркин выдал кисть для побелки, бывшую в употреблении, которая напоминала огрызок.

К 11 часам бордюры были побелены, но кисть все-таки развалилась, и домазывать пришлось губкой, сворованной с водолазной станции.

Шурик обвел взглядом свое детище. Отмаркированные баки, выставленные по линейке, белоснежные бордюры, свежеекрашенный кранец с инвентарем. На асфальте ни соринки.

Все это великолепие венчала новая табличка с надписью «Хоздвор. Объект приборки 11 роты. Ответственный за приборку курсант Расписов».

На хоздвор заглянул запыхавшийся старшина 1 статьи Артюхов.

– Готовься, идут проверяющие, старший Аладьев.

Последний штрих: Шурик достал из кранца дезодорант «Хвойный» и от души обрызгал баки.

На двор не спеша вплывала компания проверяющих. Впереди, как броненосец, двигался зам. начальника училища капитан I ранга Аладьев. За ним шли начальник штурманского факультета капитан I ранга Крикунов, зам. начальника строевого отдела капитан II ранга Волчук и несколько офицеров из политотдела. За ними маячил БПК.

Шурик ринулся навстречу.

– Товарищ капитан I ранга, ответственный за приборку курсант Расписов.

Аладьев, крупный мужчина в безупречно сидящей форме, мощным утесом навис над курсантским телом. Шурик среагировал мгновенно. Это называлось «включить Швейка». Он уставился на начальника взглядом, излучающим довольно широкий спектр чувств, от всепоглощающей любви к начальству до готовности немедленно умереть на боевом посту.

Комиссия обошла хоздвор.

– Ну что же, неплохо, – произнес скупой на похвалу Аладьев и двинулся на выход.

В это время пролетавший голубь уронил перо (сволочь).

Волчук заметил:

– Что ж это вы не в состоянии птичьих перья вымести? Для чего мы субботник устраиваем?

Дальше пошло по возрастающей. Последним отметился БПК.

На построении перед обедом Борис Петрович подводил итоги субботника. Перекатываясь вдоль строя на кривых ногах и постукивая кулаком правой руки по ладошке левой, он негромко причитал:

– ЧП, бля, ЧП. Не ожидал от вас, Расписов, подвели. У нас Аладьев, а у вас дохлая птица. ЧП, бля, ЧП.

Праздники закончились. Шурик чувствовал недомогание. То ли холодное пиво, то ли изменчивая майская погода, в общем, он заболел.

В санчасти его осматривал старый отставной доктор из бывших. Белоснежный халат, накрахмаленный чепчик, очки с толстыми линзами. Образ доброго Айболита венчала козлиная борода. Вдобавок ко всему он жутко картавил.

– Писаживайся, батец. Откой от пошие.

Увидев, что перед ним не симулянт, доктор оживился. Вращая шпателем во рту пациента, он старательно вызывал рвотную реакцию. Почти добившись успеха, быстро вытащил инструмент изо рта.

– Поздавляю, у вас ангина. Будем ложиться в лазает.

– Доктор, а можно амбулаторно?

На носу летняя сессия, и терять неделю совсем не улыбалось.

– Голубчик, ангина сама по себе не сташна – сташны ее последствия. Так что в лазает.

Санчасть – это маленький рай. Причем до изгнания.

Каждое утро змей-искуситель в образе дежурного врача интересовался аппетитом, ставил градусник и уговаривал выпить лекарства.

Шурик понимал: если лекарства пить, то этот кайф быстро закончится. Самостоятельно он только умывался и ходил в галюн, все остальное за него делал медперсонал. Спи сколько хочешь, фрукты каждый день. Но через неделю Шурика выписали.

На самоподготовке, расспросив о последних новостях, Расписов живописал свое бытие в санчасти. Его слушали не перебивая. Привирал он от души, особенно про отношения с медсестричками.

Громко сглотив, Женя Передов уточнил:

– Это та, что с короткой стрижкой?

– Она самая.

– Ну, брат, ты даешь!

Не в силах сдерживать эмоции, Коля Давыдкин с надеждой всхлипнул:

– Шурик, а ты как заразился?

Утром, натянув белоснежную робу, он отправился на хоздвор.

Так, похоже, здесь никто не прибирался. Шурик вытащил из-за пазухи пачку «Беломора», закурил.

Что-то не так. Он не мог понять, в чем дело.

Наконец сообразил – его отвлекает посторонний шум. Непонятный шорох разливался по хоздвору.

Откинув крышку мусорного бака, Шурик обомлел. Наваленные поверх зловонной жижи треугольные пакеты из-под молока ходили ходуном и громко шуршали. Под ними кишели маленькие белесые червячки.

На территорию зашел врач с водолазной станции подполковник Лелюкин.

Знаменитая фраза Штирлица застучала в мозгу отбойным молотком.

Это конец, подумал Шурик.

Подполковник уверенно направился к мусорным бакам.

– Товарищ подполковник! Я все уберу, хлоркой засыплю!

– Я те уберу, я те засыплю.

С этими словами он достал из портфеля железную банку из-под кофе и высыпал из нее опилки на асфальт.

– Курсант, фамилия?

– Курсант Расписов!

Именно такой теперь была его фамилия. Просто на «Расписов» он бы уже и не откликнулся.

– Ну-ка зачерпни мне опарыша покрупней.

Ничего не понимающий Шурик зачерпнул совковой лопатой вонючую жижу.

– Аккуратней, твою мать, на опилки высыпай!

Через минуту из опилок начали выползать белоснежные червячки. Лелюкин аккуратно, с любовью собрал их в банку.

До конца приборки похожую операцию проделали еще два офицера и мичман.

Начинался рыболовный сезон.

В пятницу случился казус. Утром зашел капитан I ранга Кариакиди. Этого педагога курсанты обожали. Шурик от души захотел сделать ему приятное.

– Товарищ капитан I ранга, я вам сейчас крупненького достану. Они еще два дня назад были по полтора сантиметра.

Он приоткрыл крышку дальнего бака. Опарыша не было, зато вылетел огромный рой мух. Кариакиди хохотал долго и от души.

– Ну, это ты, братец, передержал. Раньше нужно было отсаживать.

Стало ясно – так дальше нельзя. Спрос серьезно опережал предложение.

Нужно было побольше разузнать про опарыша.

Советом помог многоопытный нахимовец Серега Бугров по кличке Дядечка.

– Рядом на набережной университет, сходи, может, шпаки тебя просветят.

Шпаками презрительно называли всех гражданских.

На следующий день, в субботу, Шурик готовился в увольнение. Надраил ботинки, погладил брюки, постирал чехол бескозырки.

Достав из рундука новый тельник, он начал одеваться. До построения оставалось несколько минут.

Сзади подошел Саня Мухин:

– Слышь, у тебя шея заросла, давай подбрею. А то БПК слезьми зальет.

Осмотрев себя в зеркало, Шурик остался доволен.

– Идущим в увольнение построиться. Форма одежды номер три.

Командир роты провел осмотр и стал интересоваться, куда идут его подчиненные.

Озвучивались официальные версии.

В театр, в кино, на выставку. Сказать правду ни у кого и в мыслях не было.

– Расписов, а вы куда?

– В университет.

– Я с вами серьезно разговариваю!

БПК начинал злиться.

– Да он правда к шпакам на консультацию, – промычал Дядечка.

Старшина роты раздал увольнительные.

Шурик вышел на набережную лейтенанта Шмидта. Справа возвышался памятник Крузенштерну, слева – парадный вход в училище. На ярком весеннем солнце золотом горела надпись «Высшее военно-морское Краснознаменное училище им. М. В. Фрунзе».

До университета было недалеко. Минут пятнадцать не спеша по Университетской набережной.

Вот и университет, типичный образец петровского барокко, 1724 год.

Ему нужно было здание Двенадцати коллегий. Оно выходит торцом на набережную, и чтобы попасть в него, нужно было пройти через двор.

Огромные дубовые двери и старая бронза давили и указывали на ничтожность входящего.

Но только не курсанту ВВМУ им. Фрунзе. Там и здание постарше, и история побогаче.

Войдя в огромный вестибюль, Шурик огляделся. Рядом с широкой лестницей маячил то ли швейцар, то ли гардеробщик.

– Уважаемый, мне нужна консультация по насекомым. Не подскажите, куда пройти?

– Это вам на кафедре энтомологии нужно. Второй этаж и по галерее направо. Эдуард Карлович сегодня на месте, вы к нему обратитесь. Он добрый старик, не откажет.

Шурик поднялся на второй этаж и вышел в галерею. Огромные арочные окна, портреты знаменитых ученых, статуя Петра, сильно смахивающая на одесского Дюка. С другой стороны галереи стояли застекленные витрины с книгами и экспонатами. Под ногами поскрипывал старинный паркет.

Пробежавшие мимо студентки откровенно рассматривали курсанта. Наконец он увидел табличку «Грифель Эдуард Карлович. Доктор биологических наук, профессор».

В научных званиях Шурик не разбирался, а военное на табличке отсутствовало. Он уверенно рванул дверь.

Помня наставления Дядечки о том, что шпака нужно брать выправкой, Шурик отчаянно заорал:

– Разрешите войти! Товарищ профессор, разрешите обратиться. Курсант Расписов!

Перед ним был пожилой человек лет семидесяти в вязаном жакете с пузырями на локтях. От неожиданности профессор привстал. Если бы к нему зашел инопланетянин, он удивился бы меньше.

Наконец, справившись с растерянностью, профессор поинтересовался:

– Чем могу-с?

– Нужна консультация по опарышам.

– Вообще-то ваш покорный слуга – специалист по насекомым-опылителям и муравьям.

Однако полагаю, что смогу быть вам полезен. Если не секрет, чем это *musca vomitoria* так заинтересовала будущего адмирала?

Расписов молча смотрел в глаза профессора.

Видимо, тот решил, что это военная тайна, и расспросы прекратил.

– Ну что ж, начнем-с?

Шурик внимательно слушал, делал пометки, задавал уточняющие вопросы. Видя такую заинтересованность, профессор вошел в раж.

Через час Шурик знал об опарышах все, а главное – технологию разведения в университетской лаборатории.

– Может быть, чайку-с?

– Спасибо, Эдуард Карлович, служба.

Для шпака это был аргумент! Тепло распрощавшись, он двинул в «Демьянову уху». Там его ждали друзья, черный хлеб с маслом, ароматная уха и, конечно, пятьдесят грамм холодной водочки.

С понедельника на хоздворе началась новая жизнь. Первым делом Расписов решил устроить инкубатор. Договорившись в столярном цеху, он притащил мешок опилок. У Коли Давыдкина был прекрасный почерк, ему Шурик заказал трафареты для надписей на мусорных баках.

Вымытые баки с откинутыми крышками сушились на солнце. Новенькие надписи на баках дисциплинировали. «МЯСНЫЕ ОТХОДЫ», «ОВОЩНЫЕ ОТХОДЫ», «БЫТОВОЙ МУСОР» и две загадочные надписи – «ИЛ» и «ГП», что означало «инкубатор личинок» и «готовая продукция».

У входа на хоздвор висело объявление: «Опарыш будет через 10 дней». Подходившие офицеры, читая и ругаясь, послушно разворачивались.

Опарышем рыбаки называют личинку мясной мухи – *Musca vomitoria*. Яйцо мясной мухи напоминает изогнутый огурец. Муха откладывает их кучками по 50-100 штук. Через сутки из яиц вылупляются личинки. Дней за десять они превращаются в товарного опарыша.

Огромное значение для успеха в рыбалке имеет субстрат, на котором выращен опарыш. Шурик растил только на мясном.

Прошло десять дней, Расписов готовился к пятнице. В четверг на вечерней приборке он засыпал опилки в бак с надписью «ГП» и отсадил туда взрослых личинок. Правильно подобранный субстрат и погода делали свое дело.

На следующий день утром, облокотившись на лопату, Шурик ожидал посетителей.

Первым оказался капитан I ранга Расмус с кафедры теории, устройства и живучести корабля.

– На каком водоеме ловить собираетесь? – с видом знатока спросил Шурик.

– Так на Вуоксу всей семьей на выходные. – И протянул майонезную баночку.

Насыпав в банку две трети опарыша, присыпав их свежими опилками, Шурик протер банку влажной ветошью.

– Удачной рыбалки!

– Ну, вы это, будут проблемы – обращайтесь.

Конвейер работал как часы. Мухи откладывали яйца, личинки росли. Расписов начал экспериментировать. Добавив в откормочный бак свекольных очисток, он получил прекрасную бледно-розовую партию, которая получила название «адмиральский опарыш».

С каждым днем клиентов становилось все больше. Шурик был вынужден стоять на раздаче два раза в день, во время утренней приборки и после ужина. Рыболовный сезон был в разгаре.

Однажды адъютант с кафедры технических средств кораблевождения капитан-лейтенант Парменов устроил скандал.

– А почему это вы мне «адмиральского» не даете?

– Извините, «адмиральский» только для старших офицеров, – почтительно, но твердо произнес Шурик.

Его поддержал стоящий сзади в очереди капитан I ранга Брюховицкий.

– Правильно, тут старшим офицерам не хватает. И вообще, больше одной банки в руки не отпускать!

На следующий день на хоздворе висело объявление: «Приходить со своей тарой. Больше одной банки в руки не выдается».

Вечером перед сном Рашид спросил:

– Что у тебя за собрание на хоздворе устроили?

Шурик рассказал другу все, как есть.

Что-то прикидывая в уме, Тепляков сказал, что завтра зайдет посмотреть.

На следующий день на лекции по политэкономии Рашид воспитывал Шурика:

– Ну ты совсем не соображаешь. Твой опарыш – это живые деньги. Ты хоть знаешь, сколько стоит спичечный коробок с опарышем? Хоть к преподавателю прислушайся. Слышишь? Товар – деньги – товар! В субботу насыпь побольше опарыша, я попробую толкнуть.

В субботу рано утром, нужно было успеть до увольнения, Расписов набрал трехлитровую банку крупного, один в один, опарыша. До окукливания еще дня три, сойдет.

Вечером он ждал возвращения Рашида. Как всегда, из дома он принес гору вкусностей. Налетел народ, умяли все быстро и пошли на перекур. Рашид достал из-за пазухи «Беломор» и пристально посмотрел на Шурика.

– Чего не спрашиваешь про опарышей? Держи. – Он протянул Расписову одиннадцать рублей шестьдесят копеек.

Шурик устался на деньги. Родители посылали ему десять рублей в месяц. Было над чем задуматься.

Тепляков прервал его размышления.

– Можно договориться, оптовики будут приезжать два раза в неделю.

И они стали считать, сколько заработают за сезон.

Ночью Шурику приснилась огромная золотая муха, откладывающая золотые яйца.

Со временем Расписов начал замечать особое к себе отношение со стороны преподавателей-рыбаков. Кто то здоровался за руку, интересовался проблемами, кто-то заискивающе посматривал во время занятий. На практических занятиях ему ставили явно завышенные оценки.

Начали поступать коллективные заявки от кафедр.

Начиналась лекция по начертательной геометрии. В аудиторию вошел уважаемый профессор Анцеклевич. Махнув рукой дежурному, он сразу завладел вниманием аудитории.

– Товарищи курсанты! Я принес вам весть!

При этом на белую голубку с оливковой ветвью в клюве старый еврей явно не тянул.

– Слух о том, что экзамен по начертательной геометрии состоится, подтвердился!

Этот не рыбак, придется учить, подумал Шурик.

Все шло хорошо, но существовала одна проблема. Для сохранения взрослого опарыша необходимо помещать в холод. Так он может сохраняться, неделями не теряя товарных качеств.

Нужен холодильник, размышлял Шурик. Какой-нибудь старый, списанный. Вот если бы кто-нибудь из МТО проявил интерес, можно было бы договориться.

За этими мыслями он не заметил, как на хоздвор зашел начальник МТО полковник Крыжаковский. Невысокого роста, крепко сбитый огненно-рыжий мужик подошел к объявлению.

Не веря в удачу, Шурик доложил.

– Товарищ полковник, старший приборщик курсант Расписов! – для солидности повысив себя в должности, отрапортовал Шурик.

– Это что?

– Объявление, товарищ полковник.

– Я вижу, что не Джоконда! Открыть баки!

Все рухнуло в одночасье. Крыжаковский был грибник.

Уже через час взвод в противобазах выгружал содержимое баков в самосвал.

Расписова с командиром роты вызвали на ковер. Пройдя в Адмиральский коридор, они остановились перед кабинетом начальника училища. БПК смотрел на дверь кабинета как на Стену Плача. Вышел старший мичман, адъютант начальника.

– Борис Петрович, проходите, а вы, курсант, обождите в коридоре.

Ожидая БПК, Шурик рассматривал полотна великих маринистов. Они украшали Адмиральский коридор.

Минут через десять появился командир роты. Постукивая кулаком по ладошке, он растерянно бормотал:

– Вот так, отвечай Козюля. Понаберут, бля, на флот, а виноват Козюля.

– Товарищ командир, ну что?

– Мне выговор, вам трое суток губы. При чем здесь Козюля?

На картине Айвазовского догорал турецкий флот.

Коллеги

– Становись!

Народ не торопясь выходил на построение. Зарядка и приборка пролетели незаметно, впереди завтрак, занятия, обед, последняя пара (какая-то общая лекция по марксистско-ленинской философии, можно будет отоспаться) и свободное время до самоподготовки. В общем, обычный день.

На первом курсе эта команда выполнялась веселей. На третьем ко всему относишься философски, в том числе и к команде «становись».

Дежурный по роте общий любимец Юра Клювин в отутюженных брюках, аккуратно заправленной фланке, зеркальных ботинках, гюйс домиком, бескозырка надвинута на глаза, ждал, когда народ разбредется по местам и сотворит подобие строя.

Наконец в длинном ротном коридоре оформился строй, стихли разговоры, и Юра, слегка грассируя, дурным голосом заорал:

– Равняйся! Смирно!

Откуда-то из-за строя выскочил командир роты Пал Палыч Пнев.

– Товарищ командир, 13 рота для следования на завтрак построена, дежурный по роте курсант Клювин.

– Здравствуйте, товарищи курсанты!

– Здравия желаем, товарищ капитан III ранга! – нестройно промычала рота.

Пнев оставил это без внимания – дурной знак.

– Вольно!

Народ расслабился. Как всегда, утром нужно было выслушать ряд объявлений.

– Товарищи курсанты, у нас неприятность! – Невысокий, поджарый, с бегающими глазками, он, как заблудившийся сперматозоид, носился вдоль строя. – Свободного времени у вас сегодня не будет. То есть оно как бы будет, но его как бы и не будет. К нам в роту с визитом прибывает известный писатель... – Он остановился, вытащил из кармана тужурки шпаргалку и прочитал: – Валентин Пикуль, – после уставился на строй, ожидая реакции.

Обратной связи не получилось. Конечно, в курсантской среде Пикуля знали и даже любили, зачитывались наравне с Соболевым, Колбасьевым, Конечким, однако было непонятно, чем этот визит может закончиться.

Пал Палыч продолжил:

– Хрен бы с ним, с писакой этим, но ведь с ним придет руководство училища и факультета, а это вам уже не визит вежливости – это уже успевай подставлять. Какие будут предложения?

– Курсант Беловский, имею предложение.

– Слушаю вас, Беловский.

– Товарищ командир, – начал Андрюха с абсолютно серьезным видом, – нужно взять в библиотеке все книги Пикуля и раздать личному составу. Он придет, а мы его книжки читаем!

Пал Палыч стеба не понял.

– Старшина роты – обеспечить личный состав книгами, если нужно, я подключу зам. начфака по политической части.

Вторая шеренга корчилась от смеха.

– Гость будет в 16.30. В 16.00 проверю готовность. Клювин, чтоб в роте все сияло, как у кота яйца. Старшина, ведите роту.

День выдался на редкость спокойным, но время визита неминуемо приближалось. Командир со старшиной делали обход, проверяли готовность к визиту. За ними семенил дежурный по роте с блокнотом в руках, на ходу записывая замечания.

Замечания были дежурные, ничего серьезного. Подмести в курилке, поправить бушлаты в рундучной и другая фигня.

Вдруг Пал Палыч замер в стойке пойнтера, ткнул пальцем в стену и недобро по слогам спросил:

– Что это такое?

На стене была аккуратная надпись «Место для чистки обуви», внизу тумба со щетками и гуталином.

Старшина роты Сергей Нахимов (бывают же совпадения) робко спросил:

– А что не так?

– А сами что, не сечете? Место для чистки есть, обувь чистится, а инструкции по чистке обуви нет!

– Да ее у нас отродясь не было.

– Эх вы, будущее флота, ни хрена думать не можете. Кого ждем?

– Писателя.

– То-то же, соображать надо, он ведь первым делом все внимание на писанину. Клювин, чтоб через 15 минут висела инструкция по чистке обуви. Да такая, чтоб дух захватывало, и без ошибок мне.

Конечно, всякое бывало, и трусы хлоркой подписывали, но чтоб такое?

Юра опешил, он был морально не готов к такому повороту.

Схватив лист бумаги и ручку, присев у тумбочки, Клювин напрягся. 15 минут – это в очереди за пивом много, а здесь...

Сходу не получалось, Юра вспотел. С чего начать? Надо попробовать со щетки. Потихоньку дело пошло. Минут через 10 он дописывал последнее предложение: «...и привести место для чистки обуви в исходное состояние».

Пробежав глазами шедевр, Юра рванул в канцелярию роты, где общими усилиями отпечатали инструкцию и засунули ее в рамку.

Командир любовался – не место для чистки обуви, а просто загляденье.

За этим занятием его и застал гость с сопровождающими. Впереди шел седой дядька с добрыми, живыми глазами, рядом, заискивающе улыбаясь, вышагивал начальник факультета капитан I ранга Крикунов. За ними двигалась группа офицеров политотдела.

– Дежурный, не командуйте, – громко сказал начфак.

На всякий случай Юра поправил повязку дежурного и вытянулся в струнку.

Неожиданно гость остановился и повернулся к нему.

Протянул руку и представился:

– Валентин Пикуль, автор романа «Крейсера».

Клювин расплылся в счастливой улыбке, крепко пожал руку маэстро и с достоинством ответил:

– Курсант Клювин, автор инструкции по чистке обуви.

Проходя мимо, кто-то из свиты показал Юре кулак. Быть разборкам. Гость поинтересовался, чем заняты курсанты в свободное время. Изобразив на лице полное безразличие, Пал Палыч произнес:

– Читают, наверное.

Писатель заглянул в кубрик. Там группами сидели курсанты и громко шелестели страницами.

– Что читаете, товарищи курсанты?

– «Крейсера», «Пером и шпагой», «Баязет», «Мальчики с бантиками», – полетело из разных углов.

Глаза писателя увлажнились. Визит удался.

На выходе из роты Пикуль остановился.

– А где дежурный? Я хочу попрощаться с коллегой!

Цицерон

Подведение итогов на флоте – занятие культовое и по сакральной силе близкое к устранению замечаний.

Итоги подводили разные:

- за неделю, месяц, квартал, полугодие, год;
- боевой службы;
- учений;
- за отчетный период;
- внезапной проверки боеготовности;
- выполнения решений пленума или съезда...

Итоги подводились по любому поводу, и, как правило, к подведению итогов относились серьезней, чем к мероприятию, по поводу которого эти итоги и подводили.

Необходимость разделения труда, возникшая еще в первобытном обществе, добралась и до этого флотского ритуала.

Командиры подводили одни итоги, политработники – другие итоги, флагманские специалисты – третьи. Итоги подводили на кораблях, в соединениях и на флотах.

И если, не дай Бог, подведение итогов отменить, то появится много свободного времени, а на флоте это прямой путь к чрезвычайным происшествиям.

Без подведения итогов – флот не жилец!

Подводились итоги и в училище. Это было необходимо, во-первых, для того, чтобы психологически подготовить будущих офицеров к встрече с флотской действительностью, и, во-вторых, потому что это было необходимо.

Утром объявили, что после занятий будет подведение итогов за месяц. У всех было приподнятое настроение. К мероприятию готовились все, причем как командир роты, так и курсанты.

Для курсантов это было одним из немногочисленных развлечений, скрашивающих серые училищные будни.

Все командирские перлы тщательно записывались. Ответственным за запись и хранение был Олег Логунов. За несколько лет он исписал две общие тетради.

Командиру было тяжелей, он должен был говорить два академических часа. Говорить так, чтоб эти недоразумения в форме не отвлекались, не спали и восприняли хотя бы малую толику того, что он собирался до них донести.

Все собрались в Ленинской комнате. Ждали появления командира роты – Пал Палыча Пнева. Относились к нему курсанты по-хорошему, принимая в нем отца-командира. Мужик он был правильный, но уж очень живой.

– Встать смирно! Товарищ командир, рота для подведения итогов собрана.

На большой сцене перед выступлением мэтра публику разогревает эстрадная шпана, Палыч должен был все делать сам.

– Вольно, садитесь.

Логунов открыл новую общую тетрадь в клеточку, аккуратно вывел заголовок «Диалог Муму и Герасима № 27» и приготовился писать.

Выдержав паузу, дождавшись, пока курсанты перестанут шушукаться и елозить задницами на скрипящих стульях, он начал:

– Товарищи курсанты, как говорил Владимир Ильич Ленин, «Дисциплина в нашем обществе – это явление нравственное и политическое».

– Товарищ командир, это Макаренко сказал.

– А я посмотрю, Иванов, ты очень умный, тебе череп не жмет? Какая тебе на хрен разница, кто сказал, главное – сказал правильно!

Конечно же, трудов Макаренко Иванов не изучал, просто несколько раз в день по пути на занятия курсанты проходили мимо плаката с этим изречением.

Пал Палыч продолжил:

– В роте проходил строевой смотр, присутствовал зам. начальника строевого отдела капитан II ранга Волчук. Все готовятся, а отдельным это не надо, это не для них.

Пнев пошел на разогрев.

– Беловскому делают замечание, ну так стой молча, как рыба в пруду! Так нет же, гордость его девичья задета. Волчук ему – вы не стрижены, а этот в ответ – вы фальсификатор. Вы, Беловский, с этими своими интеллигентскими штучками допрыгаетесь, мы еще разберемся, что это означает, и вы будете строго наказаны. А вот еще персонаж – Муринов. На смотр они явились, ремень висит, сам длинный! Сколько раз повторять – головной убор должен находиться на два пальца выше головы! Спортсмен, чтоб ему. Кстати, о спортсменах – необходимо сдать фото на пропуска в бассейн. Фотографии должны быть четыре на три. Отставить! Три на четыре.

А что на Ждановской овощебазе натворили?! Вас на разгрузку лука посылали, а пропало полвагона апельсинов. Столько же не сожрать! Ничто их не останавливает, это же святое место, там Дантес Пушкина завалил. Памятник видели? У вас командир не семи прядей во лбу, у меня уже фантазии не хватает сочинять, почему это не вы сотворили.

Возьмем большую приборку. Каждый сам себе начальник, ходят там, бродят, не пойми чего как. Никакой организации. Большая приборка – это как групповой секс, где мужик один – старшина роты! Что я, собственно, вам тут все разжевываю по полочкам? Не дети уже, я в бане видел, поотращивали себе!

Пал Палыч начал выходить на рабочий режим, он активно жестикулировал, извивался ужом и принимал различные живописные позы, а все, что он говорил, можно было без труда прочесть на его лице. По сравнению с Пневым Фернандель – рабочий сцены.

– Про порядок в помещениях я вовсе молчу. В рундучной столько дерьма, что у меня в голове не умещается! Койку какую ни откинь – там тусы. А Леоненко вдвойне отличился – у него тусы цветные, импрессионист хренов! Уберите с глаз, чтоб ни одна собака не нашла, даже я! Будем искоренять, цветные тусы к вам больше не вернутся!

У Лагунова дымилось перо на ручке.

– Во жжет, не поспеваю. Хорошо, что он не догадывается, что Земля круглая, а то бы ровнять заставил.

– Койки они с места на место таскают, интерьер их, видите ли, не устраивает. Чтоб все кровати стояли, как положено, ногами на выход! Тумбочки всякой дрянью забиты. Тумбочка вам не для того чтобы как попало, а для того чтобы пыль вытирать.

Миша Евтухов не выдержал и прыснул.

– Евтухов, а что это мы так веселимся? У вас с залетами уже перебор, и если я вас за что-нибудь поймаю, то это будет ваш конец! Дежурный по факультету докладывает, что после отбоя вас не уговорить. Хочешь – книжки читай, хочешь – радио слушай, а хочешь – сходи покури. Для особо одаренных повторяю: сон – это не свободное время, сон – это отбой!

И вообще, сегодня понедельник – скоро выходные, если кто не пойдет в увольнение – не обижайтесь. Не хотите жить как люди, будете жить по уставу!

При этом он изогнулся назад, раскинул в разные стороны руки с раскоряченными пальцами, выпучил глаза и замер.

В звенящей тишине, как грохот пушки, прозвучал восхищенный шепот.

– Ну, бля, Цицерон.

Отмерев, Пнев продолжил.

– С учебкой тоже нелады. Третий взвод, на вас жалуется Фригида Моисеевна Поплавская.

– Пал Палыч, ее зовут Фрида.

– А вот это уже не важно, важно то, что она жалуется! Говорит, активность у вас на нуле. Ну какие сложности? Знаешь – поднимай руку, не знаешь – поднимай левую руку! Артюхов, что вы с ней поделить не можете?

Старшина класса Артюхов добросовестно морщил репу, но так и не смог представить, что ему делить с шестидесятипятилетней старушкой, которую, кроме математики, в жизни ничего не интересовало.

Ответа не последовало, и командир продолжил:

– Ну ладно математика, я еще могу понять, что там все не понятно, ну а астронавигация? Уважаемый профессор Скобкин ведет занятия, а вы что творите?! Ну на кой ляд эту железную хреновенькую друг другу на голову одевать?

– Называется это – крестовина вертикалов. Он сам нам разрешил.

– Если вам что-то разрешают – это не значит, что это можно! А вообще-то он вами восхищен, говорит, что за семестр занятий вы уже твердо знаете, что учебник синего цвета. Гении, мать вашу!

На самоподготовке вместо того, чтобы заниматься, они – головы вниз, и пошло. Если, извиняюсь за выражение, к вам бы пришел начальник политотдела, то пицци было бы на целый год!

Гусаров вместо заступления на дежурство решил в санчасть пойти подлечиться. Ну заболел ты, ногу оторвало – должен придти и доложить: «Командир, я должен быть на инструктаже, мне ногу оторвало, я в госпиталь пошел». Учишь, говоришь, как с горохом на стене!

Что вы, Гусаров, на меня смотрите глазами?! Безымянными!

Во время парадной тренировки на Дворцовой площади русским языком сказал – после прохождения все собираемся у памятника Медному всаднику. Вроде все культурные люди, а собраться не можем.

И вот так чего ни коснись. Только с чувством большого долга мы сможем выйти из этого прорыва, в котором мы оказались. Всем этим вопросам и впредь будет уделяться большое вливание. Все должно тихо, спокойно катиться.

Я закончил. Если вопросов нет, то задавайте.

Тройка на двоих

Подходила к концу летняя сессия, заканчивался второй курс. Остался последний рывок – и ты на третьем. Нужно заметить, что это не просто переход с одного курса на другой – это переход из одного качественного состояния в другое, переход из категории «без вины виноватые» в категорию «веселые ребята». Многие уже приготовили новенькие курсовки с тремя галочками, чтобы поехать в отпуск с солидной нашивкой на рукаве. Баталер готовил новые боевые номера, после отпуска их пришьют на карманы рабочей одежды. Вторая по порядку цифра «2» изменится на «3», что будет означать третий курс. Боевой номер – всего пять цифр, но для курсанта это как ДНК. Правда отцовства по нему не установишь, но и ни один великий ученый его не расшифрует.

Погода стояла превосходная, помещение класса было залито солнцем, деревья шелестели молодой изумрудной листвой, щебетали птички. Заниматься не было ни сил, ни желания. До экзамена по основам радиоэлектроники оставалось два дня. Володя Буткин по кличке Боня достал из стола лекционный набор и занялся внешностью. В набор входила пилочка для ногтей и карманное зеркальце. Он начал исследовать лицо на предмет наличия угрей. Влетевший старшина класса Артюхов не дал ему довести внешность до совершенства.

– Через пять минут будет консультация. Придет Собанев. Дежурный, позови народ из курилки!

На столах появились конспекты и учебники, все дружно изобразили активное изучение основ радиоэлектроники. Вошел преподаватель.

– Встать! Смирно! Товарищ капитан I ранга, 123 класс готов к проведению консультации! Все имело смысл. 123 означало – первый факультет, второй курс, третий взвод.

– Вольно! Присаживайтесь. Ну что ж, экзамен у вас буду принимать я вместе с вашим преподавателем капитаном I ранга Саранчевым. Перечень вопросов у вас есть, вижу, учебниками вы тоже запаслись. Надеюсь, моей монографией не пренебрегли?

– Что вы, мы с нее и начали! – Саша Елдырин поднял девственную, ни разу не раскрытую со дня издания слипшуюся брошюру.

– Ну, тогда я за вас спокоен. Рекомендую на экзамене долго не готовиться, отвечать коротко, по существу. Ответы особо «одаренных» я заносу к себе в блокнот, так что есть возможность попасть в историю. Вопросы есть?

– А справочной литературой пользоваться можно?

– Конечно, товарищи курсанты, конечно, нельзя!

Старый, опытный педагог, Собанев видел курсантов насквозь, но относился по-доброму, без излишних придинок.

Боня сел писать шпоры. Без этого никак. Шпора – великое дело! Даже если не воспользуешься, то хоть что-то запомнишь.

Вопросом номер один в перечне значился – «Значение радиоэлектроники для военно-морского флота». Он открыл конспект на вводной лекции и начал писать.

«Значение радиоэлектроники для военно-морского флота трудно переоценить. Число приборов, основанных на использовании достижений одной из важнейших отраслей современной науки и техники – радиоэлектроники, непрерывно растет». На этом записи заканчивались. Володя был известным любителем поспать на лекциях. Недаром командир роты говорил – дайте Буткину точку опоры, и он уснет!

Да, с этой радиоэлектроникой с самого начала как-то не заладилось.

Вел эту дисциплину капитан I ранга Саранчев по прозвищу Миша Монумент. Внешность у него и впрямь была монументальной. Здоровый, статный мужик ходил так, словно носил

свою голову. Но его арийский образ перечеркивал один недостаток – он заикался. Легенды о его принципиальности и скверном характере передавались из поколения в поколение.

Начиная вводную лекцию, он пропел:

– Здравствуйте товарищ курсанты! Дежурный повестте плакат.

Дежурным был Вадик Королев, который тоже заикался. По совету врача, справлялся он с этой бедой, держа под языком пластмассовый шарик. При виде Монумена он разнервничался, шарик выскочил из-под языка.

– Товарищ капитан первого ранга! Дежурный по классу курсант Королев!

Шарик стучал об зубы, издавая барабанную дробь и заглушая дружный хохот.

– Передразнить?! Вон из класса!

Потом, конечно, разобрались, но, как говорится, осадочек остался.

Больше всего Саранчев не любил, когда списывают. Если он кого-то ловил за этим занятием, то с едва сдерживаемой радостью произносил:

– Нечестности не люблю. Не взыщи голубчик – обсервация.

Надежда на шпоры была чисто теоретической.

Вечером, за день до экзамена, готовили аудиторию. В процессе участвовали все. Это напоминало заботливое обустройство эшафота приговоренными.

Протерли столы, убрали все лишнее, вымыли доску и положили новые мелки. На стол поставили графин и чистые стаканы.

Главный вопрос – как поставить стол преподавателя, чтобы отвечающий закрывал обзор готовящихся к ответу? С третьей попытки получилось. Появился запыхавшийся Колян Давыдкин:

– Мужики, я был на гидрофаке. Они вчера сдавали. Монумент озверел – четыре двойки!

Королев застонал. Он вызубрил учебник «Основы радиоэлектроники» от заглавной буквы «О» до тиража и типографии, но Монумент внушал ему животный ужас. Боня с завистью произнес:

– Вадик, не ссы, ты же отличник. Меньше тройки не поставят.

Колян продолжил:

– Говорят, Собанев любит персиковый сок с мякотью и курит папиросы «Дукат». Что делать будем?

Рашид Тепляков рванул звонить родителям.

Через час трехлитровая бутылка сока и папиросы были в классе. Напряженка спала.

Наступил день сдачи экзамена. Третий взвод построился перед классом в ожидании экзаменаторов. Подошел командир роты Пал Палыч Пнев. Видимо, решил подбодрить.

– Не бойсь. Экзамен сдадут все, правда, с разными оценками.

Кто то промычал:

– Три балла бы получить, больше и не надо ничего.

Подумав, Пнев ответил:

– А что, тройка тоже хорошо. А если с первого раза – то отлично!

Не с тех натурщиков писал Суриков «Утро стрелецкой казни». Стояли молча, обреченно понурившись, каждый думал о своем.

Отличник учебы, секретарь комсомольской организации Королев молил Бога о чуде. Пусть с Монументом что-нибудь случится. Пусть его не будет на экзамене.

То ли Вадик недостаточно искренне молился, то ли Господь не примет просьб от комсомольцев, но чуда не случилось. В конце коридора появились Саранчев и Собанев.

– Равняйсь! Смирно!

Старшина класса Артюхов докладывал Саранчеву:

– Товарищ капитан I ранга, 123 класс для сдачи экзамена по основам радиоэлектроники готов!

– Вольно! Ннугготов или не готов, мы еещепосссмотрим. Ппервыепятьчеловеккз-заходят, осстальнныессвободны.

Опытный преподаватель, Монумент сходу заметил хитрость со столом и велел переставить его к окну. Дальше – хуже. Выяснилось, что Собанев сок не пьет, а курить бросил лет десять как.

Первая пятерка взяла билеты и начала готовиться. С обеих сторон двери воцарилась мертвая тишина.

Через сорок минут вышел первый – Влад Самурин. Его встречали, как Гагарина.

– Мужики, трояк! Завтра уезжаю.

– Сэм, как там вообще?

– Монумент Саню Мухина валит, похоже, кранты.

Буткин записался двенадцатым, решив, что в середине будет безопаснее.

После двенадцати часов пришел его черед. Чеканя шаг, он зашел в класс.

– Товарищ капитан I ранга, курсант Буткин для сдачи экзамена по основам радиоэлектроники прибыл!

– Ну вот, знает, что сдает, уже неплохо, – пошутил Собанев. Боня изобразил улыбку, медленно переходящую в гримасу.

– Ппойду я ппообедаю. Ввы уж им сспуску не ддавайте, – обратился Монумент к Собаневу и вышел из класса.

– Ну что вы стоите, берите билет.

Дрожащей рукой Боня взял билет.

– Билет номер семь. Первый вопрос – «Значение радиоэлектроники для военно-морского флота».

Буткин просиял, что-что, а это он знал.

– Второй вопрос – «Дискретная форма представления сигнала. Спектры дискретных сигналов, теорема Котельникова».

Радость от первого вопроса улетучилась. Наплывало неприятное ощущение неопределенности.

– Третий вопрос – «Радиопередающий тракт».

Третий вопрос прозвучал как контрольный выстрел.

Из трактов он знал только Колымский, и то по песенному фольклору.

– Ну что ж, присаживайтесь, готовьтесь.

Боня решил идти ва-банк. Он понимал, что у Монуumenta не проскочит, а тут хоть какой то шанс.

– Товарищ капитан первого ранга, разрешите отвечать без подготовки!

– Ну что ж, похвально. За смелость плюс один балл. Начинайте.

Единственную записанную из всего курса лекций фразу Боня выучил наизусть и выдал ее на ура.

– Это все? Может быть, еще что-нибудь хотите сказать?

– Вы же сами говорили – отвечать кратко и по существу.

– Буткин, у вас уж совсем коротко.

Зашел командир роты.

– Разрешите поприсутствовать.

– Конечно, Пал Палыч, дорогой, присаживайся.

Пнев сел за стол экзаменаторов. Посмотрел на истекающего потом Буткина и понял – нужно спасать. Он наклонился к уху Собанева:

– Вы знаете, курсант Буткин в роте на хорошем счету и к экзамену готовился серьезно.

Это не было души прекрасным порывом, просто командира роты за успеваемость драли больше, чем курсантов.

Собанев понимающе кивнул.

– Буткин, давайте второй вопрос.

– Теорему Котельникова сформулировал и доказал выдающийся советский ученый Котельников! – начал и закончил Боня.

– Подойдите к доске, изобразите график реализации телеграфного сигнала.

Боня нарисовал оси координат и включил подсознание. Из него выплывал график, очень напоминающий колленвал. Он начал неуверенно наносить его на оси.

Переживающий за него, как за родного, Пал Палыч не выдержал:

– Буткин, ты что, прямую линию провести не можешь?! Ты что, дальтоник?

Боня окончательно растерялся.

– Ну, Буткин, вспоминайте! Как можно получить сигналы с дискретным временем? – задал наводящий вопрос Собанев.

Вытерев пот со лба, Боня всем своим видом давал понять, что он напряженно вспоминает. Он бормотал себе под нос что-то невнятное, закатывал глаза и мял платок в кулаке.

Это был тяжелый случай. Помочь могла только регрессивная терапия в сочетании с глубоким гипнозом. Но и тут он бы мог вспомнить, кем был в прошлой жизни, но только не теорему Котельникова.

Процесс прервал Собанев.

– Ну а что у нас с третьим вопросом?

Боня достал из кармана билет на поезд и с глазами, полными раскаяния, протянул его Собаневу.

– Товарищ капитан первого ранга, у меня поезд завтра утром.

– Билет будете показывать проводнику! Пал Палыч, что делать будем? Ну ладно, задаю дополнительный вопрос, ответите – поставлю тройку. Какие вы знаете передающие устройства?

Боня начал неуверенно перечислять:

– Видикон, ортикон, иконоскоп...

Он перечислил практически все. Осталось назвать супериконоскоп. Собанев подбадривал:

– Давайте, Буткин, вы почти все назвали.

Сидящий за первым столом Серега Курпич больше не мог безучастно наблюдать за происходящим. Он беззвучно пошевелил губами:

– Боня.

Буткин мгновенно скосил глаза в его сторону. Серега продолжил:

– Супер.

Боня моргнул – принято.

Что это было, ультразвук или телепатия? Главное – они понимали друг друга, а окружающие ни о чем не догадывались.

Для убедительности Курпич обозначил указательными пальцами квадрат и добавил:

– Икона.

Радостный Боня шумно выдохнул:

– Супериконостаc!

Собанев зашелся хохотом:

– Ну Буткин, порадовал старика! Этот ответ будет украшением моей коллекции.

Он достал из кармана тужурки старый разваливающийся блокнот, перетянутый резинкой.

– Это я просто обязан записать.

Боня почесал затылок:

– Выходит, я в историю попал?

– Не попали, Буткин, а вляпались.

Пнев вышел из класса. Его обступили курсанты.

– Ну что там, товарищ командир?

– У нас с Буткиным тройка!

Опыт поколений

Рота гудела, как потревоженный улей, обычно приподнятое в пятницу настроение было омрачено. Известие о том, что в субботу едем работать в совхоз «Шушары», воспринималось как двойной удар. Во-первых, это был удар по личной жизни, вместо рейда по женским общагам Питера появилась перспектива торчать кверху задом по колено в грязи на совхозной грядке. Во-вторых, это был удар по самолюбию, на такие работы курсантов третьего курса не посылали. Все эти морковки-картошки под мерзким осенним дождем – прерогатива первокурсников.

Понятное дело, ударным трудом поднимать село никто не собирался. Перед ужином собрались обсудить ситуацию. На повестке дня стоял один вопрос – что б такое сделать, чтоб завтра ничего не делать? Истории о подкинутых на колхозные поля снарядах передавались из поколения в поколение. О них все знали, но такое решение вопроса казалось уж слишком чересчур, да и скорее всего это были красивые легенды, ничего общего с действительностью не имеющие. Хорошо бы, конечно, если бы на поле действительно нашлась какая-нибудь мина со времен войны, но о такой удаче можно только мечтать. Нужна инициатива. На ум не приходило ничего оригинального, и Дима Локотков предложил использовать опыт поколений, но в более гуманной форме:

– Давайте возьмем макеты мин в аудитории ТМП, с лаборантом я договорюсь.

Дима был приборщиком на кафедре тактики морской пехоты, имел доступ в преподавательскую аудиторию и был на короткой ноге с лаборантом, старшим мичманом Взрывайло.

Времени оставалось в обрез, решать вопрос с мичманом нужно было немедленно. Все понимали, что Взрывайло просто так ничего не даст, во-первых, потому что мичман, во-вторых, потому что хохол. Тяжело вздохнув, Коля Соколов вытащил спрятанную в подушке бутылку рябины на коньяке.

– Ну и хрен с ней, зато спать будет удобней.

Колину жертвенность оценили, Юра Задов, похлопывая его по плечу, выразил общую признательность:

– Не переживай, старик, для общего дела отдаешь.

Спрятав бутылку за пазуху, Дима метнулся на кафедру. Чтобы упростить процедуру торга, в которой мичман был мастак, Локотков сразу вытащил бутылку и объявил, что больше ничего нет. Взрывайло разочарованно смотрел на бутылку настойки рябины на коньяке.

– Она же сладкая, ее не хряпнуть по-людски, не закусить. Ну и шо ты за нее хотел?

– Штуки три противотанковых.

– Вот бисово дитя, ты шо сказився? Три противотанковых за це бабское пойло?! Могу дать одну противотанковую в разрезе и одну противопехотную.

Он бережно достал с демонстрационного стеллажа муляжи одной маленькой мины и половинку одной большой мины. Любовно оглаживая их, он пояснил:

– Это противопехотная осколочная кругового поражения мина ОЗМ-72. Ты не гляди, шо вона нэвелика, зато на вооружении зувсем недавно. А эта красавица – противотанковая, ТМ-57 в разрезе. Ты глянь, як красиво все пидписано.

Действительно, сверху на половинке была черная трафаретная надпись ТМ-57, а на разрезе пестрело: корпус, щиток, взрыватель МВЗ-57, диафрагма, взрывчатое вещество...

Видя, что Локотков обменом явно недоволен, мичман положил сверху листок бумаги – «Памятка по установке ТМ-57».

– Это все, бильше нэ дам.

Утром, после завтрака, получили сухой паек и вместе с минами убрали в вещмешки. Совхоз оказался богатым, прислал сразу три автобуса, так что все ехали сидя, с комфортом.

Дорога была нудной, добирались долго, больше часа, завывающий звук двигателя и погода за окном убаюкивали. Автобусы довезли практически до поля, с шумным выдохом открылись двери.

На поле встречали бригадир и учетчица. Бригадир в брезентовом реглане, кирзовых сапогах и заломленной на затылок кепке, оказавшись перед строем курсантов, почувствовал себя орлом. Как Наполеон перед боем, поставив правую ногу на березовую чурку, он давал инструктаж по уборке моркови. Учетчица, многоопытная баба, закутанная в телогрейку и пуховый платок, критически осмотрев строй, подытожила:

– Зря стараешься, Кузьмич, эти не работники.

Как говорил персонаж известного фильма – «бабу не обманешь, она сердцем чует».

Технология уборки моркови была несложной. Группы, идущие впереди, собирали ее в кучки, а шедшие следом складывали в ящики, относили на дорогу к весам и после отметки учетчицы грузили в машину. Морось и грязь процессу никак не способствовали.

Проворачивать фокус с минами сразу было нельзя, нужно было поработать хотя бы часок и углубиться подальше в поле. Погода портилась на глазах, небо потемнело, сеял мелкий дождь.

Пора. Удалившись от дороги метров на триста, прикопали противопехотную и через несколько борозд в сторону, аккуратно закамуфлировав грязью, уложили половинку противотанковой.

С поля начали раздаваться тревожные крики:

– Все с поля! Мины! Бригадира сюда давай!

Появился недовольный бригадир.

– Ну что тут у вас стряслось?
– Это не у нас, это у вас стряслось. Мины на поле, давай вызывай милицию и саперов.
Бригадир решил удостовериться лично. Подойдя к противотанковой половинке, битый жизнью мужик растерялся:

– И впрямь мина, похоже, противотанковая. Третий год здесь пашем, откуда ей взяться? Ну да ладно. А ну давай все с поля!

Бригадир помчался вызывать милицию и военных. Курсанты вытащили мины, обмыли их под дождичком и убрали в вещмешки.

Первым появился участковый, дядька лет пятидесяти в армейском дождевике. Ему очень убедительно, в красках рассказали о найденных минах. Почесав затылок, он произнес:

– Вишь как оно бывает. Эх войны, одно слово.

На обратном пути веселье по поводу удавшейся аферы постепенно перешло в тягостное молчание. В воздухе висел вопрос – «А что, если раскусят?»

По приезду первым делом мины тщательно протерли и уложили обратно на демонстрационный стеллаж.

Время шло, история начала забываться, головы были забиты повседневными заботами. По прошествии шести дней неожиданно поступило приказание от дежурного по факультету срочно построить роту в факультетском коридоре. Причины не знал никто, даже командир роты.

Курсанты томилась в ожидании начальника факультета, командир нервничал. Вот так, ни с того ни с сего, середь бела дня, без предупреждения. Добра не жди.

Из кабинета вышел начфак в сопровождении полковника милиции и армейского подполковника. Дима Локотков побледнел и перестал реагировать на происходящее. Из щелей старого паркета дохнуло преисподней, в воздухе почти физически ощущалась нависшая задница. Командир на всякий случай приложил все усилия, чтобы произвести положительное впечатление.

– Равняйся! Смирно!

Чеканя шаг, он подошел к начальнику.

– Товарищ капитан I ранга, тринадцатая рота по вашему приказанию построена!

При этом он подался корпусом вперед, прогнул спину и замер. Если бы его копчик имел продолжение, было бы заметно, как он им помахивает.

– Вольно! Товарищи курсанты, неделю назад вы были на работах в совхозе «Шушары».

Ситуация прояснилась, уже было все равно, чем это закончится, главное, чтобы побыстрее. Начальник факультета продолжил:

– Благодаря вашей бдительности саперами были обследованы поля совхоза и обнаружена немецкая противотанковая мина. Руководство МВД и гражданской обороны Ленинградской области приносит вам свою благодарность.

Прошелестел общий вздох облегчения. Распираемый гордостью за спасенные жизни селян, Локотков взапрел и зарумянился.

Посев

Начмед училища полковник медицинской службы Раневский возбужденно бегал по санчасти. У пятерых засранцев (в хорошем смысле слова) обнаружили дизентерию. Их с пристрастием допрашивали с целью выявления очага заражения. Причем вопросы задавались так, чтобы из ответов следовало, что заразились они вне стен училища.

– Ну, напрягайтесь, вспоминайте, где вы в увольнении принимали пищу?

– Мы в увольнении не ели, – нестройно промычали курсанты.

– Может, пирожки где покупали? – с надеждой спросил дежурный врач.

Опрашиваемые понуро молчали.

– Молчание – знак согласия. Значит, все-таки пирожки. – Доктор радостно потер руки.

Он неожиданно обратился к одному из курсантов:

– А вот вы какие пирожки любите?

Дурашка по доброте душевной начал перечислять:

– С рисом с яйцами, с картошкой, с ливером...

– Вот и чудненько, так и запишем – с ливером.

В кабинет заглянул Раневский:

– Ну, что тут у вас?

– Товарищ полковник, как и предполагали, в районе станции метро «Василеостровская» каждый съел по три пирожка с ливером.

Инфицированные обреченно молчали, им было уже все равно. Через час их отправили в инфекционное отделение госпиталя.

У полковника слегка отлегло, но только слегка. Это тебе не ОРЗ какое-нибудь, придется докладывать.

По училищу поползли нехорошие слухи. У станции метро убрали лоток с пирожками, закрыли курсантское кафе «Кортик», все, что можно, засыпали хлоркой и, наконец, отменили увольнения. В воздухе витало тревожное слово «карантин».

Если бы это случилось, к примеру, в Алма-Атинском общевоинском училище, то и Бог бы с ним, но ВВМУ им. Фрунзе имело свою специфику.

На учебу в училище отправляли своих детей и внуков некоторые руководители партии, правительства и Вооруженных Сил. Один внук главкома чего стоил. Что такое взволнованная баба Зина – она же жена главкома – на флоте знали все.

Но это еще полбеды. В училище обучались родственники руководителей стран Варшавского Договора. Их было немного, и от греха подальше их отселили в гостиницу. Скандал принимал международный характер, а это уже не просто понос – это уже что-то между вредительством и изменой Родине! На решение проблемы были брошены лучшие силы военной медицины.

Маховик борьбы с дизентерией раскручивался по полной. Больше других досталось работникам продпищеблока, им впору было подавать в суд по статье «доведение до самоубийства». Санчасть не справлялась, нужно было взять анализы у всего личного состава училища. Для этого были развернуты дополнительные медпункты в лекционных аудиториях и привлечены слушатели военно-медицинской академии.

Курсанты старших курсов переживали эту ситуацию особо, как-никак отменены увольнения, а они уже всю жизнь женились, некоторые даже имели детей. Пал Палыч Пнев приказал дежурному строить роту. Он ощущал легкое раздвоение личности, с одной стороны, он был счастлив оттого, что заболевшие не из его роты, а с другой – его пугала предстоящая проверка Центральным военно-медицинским управлением.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.